

КАМИЛЬ ЗИГАНШИН

МАХА, или история жизни кунички

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

Камиль Зиганшин

МАХА,
или
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ

Повесть

Художник Сулпан Билалова

Москва «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-59

Зиганшин К. Ф.

3-59 Маха, или История жизни куницы : повесть / Камиль Зиганшин ; худож. С. Билалова. — М. : Дет. лит., [2021]. — 68 с. : ил. — (Наша марка).

ISBN 978-5-08-006433-3

Повесть о приключениях маленькой куницы, прозванной автором Махой, продолжает традиции русской классической литературы о животных. Великолепные картины природы, описанные образным, богатым языком, увлекательный сюжет позволяют включить эту повесть в круг детского чтения.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-08-006433-3

© Зиганшин К. Ф., 1992

© Билалова С. Б., иллюстрации, 2021

© Макет. АО «Издательство «Детская литература», 2021

1

В глубоком, просторном дупле было сухо, сумрачно. На дне мягко пружинила подстилка из длинных прядей лишайника.

Четверо ещё слепых щенят куницы, покрытых коротким младенческим пухом, лежали плотным клубком и беспечно посапывали. Время от времени один из малышей сонно, с трудом удерживая большую голову, потягивался и, бесцеремонно расталкивая остальных, жадно тыкался мордочкой в набухший молоком сосок. Остальные, словно по команде, поднимали дружную возню и следовали его примеру.

Накормив несмышлёнышей, куница осторожно вставала и выскальзывала наружу. Подкрепившись первой попавшейся дичью и полакав студёной ключевой воды, она без задержки возвращалась в дупло. Ненасытное потомство взволнованно сопело, попискивая, тянулось к матери и успокаивалось, блаженно почмокивая.

Кунята росли быстро. Нежные шубки день за днём густели. На головках потешно затопорщились треугольные ушки. Вскоре прорезались чёрные глазёнки, и малыши всё чаще с любопытством поглядывали на смутно белеющий вверху лаз. Через него врывались незнакомые, будоражащие запахи, доносился невнятный шум тайги.

Самая маленькая, но в то же время и самая подвижная кроха — Маха — уже не единожды пыталась дотянуться до кромки лаза, чтобы глянуть в таинственно шумящее окошко, однако всякий раз бдительная мать сердито уркала на любопытную дочь и стягивала её вниз.

В дупле становилось тесно. Наконец настал день, когда куница сама вывела малышей в огромный, многоцветный, многоголосый мир, поощряя одобрительным поуркиванием смелых и подталкивая лапой робких. Судорожно цепляясь слабыми коготками за выступы ребристой коры, жмурясь от слепящего света, кунята потихоньку спустились на землю. С интересом огляделись и обступили мать, трепавшую хохлатого рябчика, пойманного ею накануне.

Куница отгрызла петушку голову и легонько подтолкнула её к малышам. Те, давя друг друга, в ужасе отпрянули, но когда невольный испуг прошёл, первой, боязливо переступая и вытягивая шею, приблизилась к аппетитно пахнущему комочку Маха. Обойдя его кругом, малышка сначала осторожно потрогала, а затем поддела петушиную голову лапкой. Та покатилась с бугорка в траву, и осмелевшие кунята дружно кинулись за «убегавшей» добычей.

Один за другим мелькали дни беззаботных игр и безмятежного сна под надзором матери. Спускаясь на землю, покрытую толстым слоем хвои, шалуны часами изображали охотников.

Гоняясь друг за другом, они проворно карабкались на деревья, скаля острые зубки, устрашающе уркали на «врага» и, шлёпнувшись вниз, затаивались в траве. Затем, пластая по земле, выслеживали «дичь», мгновенно вскидывались и опрокидывали её на спину ударом передних лап. Яростно кусались, не причиняя, однако, друг другу боли.

Маха уже не ощущала слабости в лапах. Приобрела быстроту и точность движений. Несмотря на изящное и, казалось, хрупкое телосложение, она была заводилой всех потешных потасовок, не только достойно отбиваясь от более рослых братьев, но и с завидной ловкостью сама атакуя их при каждом удобном случае.

Убегая в пылу игры всё дальше и дальше, кунята изучали окрестности. Скоро они уяснили, что мелкие, но голосистые птахи, шустрые бурундуки, доверчивые рябчики, прыныры-мыши не опасны. Мать часто ловила эту живность и приносила подрастающей детворе для охотничьих забав.

Непоседе Махе, первой побывавшей на окраине просторного, светлого бора, не терпелось узнать, что скрывается в примыкающих к нему непролазных зарослях черёмухи, но она не решалась покидать обжитые пределы.

Однажды, на исходе тёплого тихого дня, когда мать ушла на охоту, Маха всё же набралась смелости и шагнула в таинственную чащу.

Там, в глубине тенистого царства, куничка услышала глухой шум. Сквозь ветви блеснул упругий поток, падавший с двухметрового уступа. Кипевшая в каменном котле вода гоняла крутые буруны, закручивала глубокие подвижные воронки. Солнце дробилось в этой кипени тысячами лучистых зайчиков.

Ниже по течению ручей успокаивался, раздавался вширь и лениво струился мимо живописных заводей. На зеркальной глади мигали круги от жирующей рыбы,

царственно колыхались листья стрелолиста, плавали утки, лихо скользили между хлопьев пышной пены водомерки. В тёплой воде песчаных отмелей сновали стайки мальков. По противоположному берегу суетливо перебегали с места на место длинноносые кулички.

Маленькая путешественница заворожённо разглядывала новый открывшийся мир. Вдруг неведомое прежде чувство предупредило её об опасности. Обернувшись, она увидела злые, колющие глаза незнакомого зверя.

Это была норка. Прежде чем вывести на прогулку своё потомство, она выбралась из подземного убежи-

ща на разведку. Глядя в упор, норка с воинственным стрекотом бросилась на куничку. Бедняжка попятилась, затравленно оглядываясь: куда деваться? Позади вода, а впереди — ощерившийся враг. Резко оттолкнувшись от гальки, Маха в невообразимом прыжке перелетела через голову окаменевшей от неожиданности норки и скрылась в спасительных зарослях...

Как-то утром обитателей соснового бора, погружённого в лёгкий туман, разбудила не птичья разноглаголица, а громкие грубые голоса. Встревоженная куница-мать выглянула: к их жилищу приближались двуногие существа с котомками, связками ремней и верёвок. Шествие возглавлял лопухий пёс.

Бортники-башкиры, а это были именно они, шли к давно намеченной сосне делать борт¹ для нового роя диких пчёл. Подойдя к дереву, один из них начал привычно взбираться по толстому стволу, ловко вскидывая вверх кожаный пояс, жёсткой полудугой охватывавший золотисто-рыжую колонну. Люди то и дело переговаривались, смеялись.

Куница, чуя беду, припала к подстилке. Настороженно, до боли в ушах вслушивалась она в нарастающий шум. Волнение матери передалось малышам. Они притихли и сбились в кучу.

Поднимаясь, бортник то и дело простукивал ствол обухом топора. Сильные гулкие удары заставляли зверьков сжиматься от страха. Охристая древесная

¹ Бортъ — улей в естественном или выдолбленном дупле дерева.

пыль слетала со стенок дупла и нестерпимо щекотала нежные ноздри.

Тем временем верхолаз обнаружил дупло. Он сунул в него руку и, коснувшись мягкого пуха, непроизвольно отдёргнул её, но было поздно. Как ни силен был страх куницы перед человеком, великий инстинкт материнства оказался сильнее: сделав молниеносный выпад, она вонзила две пары острых, словно шило, клыков в палец бортника.

От боли и неожиданности человек вскрикнул, выдернул руку со вцепившейся куницей и стряхнул её резким, энергичным взмахом прямо к лапам подскочившей собаки.

Грудастый кобель прижал куницу к земле, пастью схватил поперёк тела и, прежде чем прозвучал запоздалый окрик хозяина, перекусил позвонки.

Бортник отнял у пса обмякшего зверька. Обдувая редкий летний мех, он с сожалением оглядел понапрасну загубленную лесную красавицу. Досадливо покряхтел и убрал случайный трофей в котомку.

Тем временем его напарник притянулся к стволу поплотнее, обмотал окровавленный палец платком, отломил ветку и стал тыкать ею в дно дупла. Кунята, уворачиваясь от болезненных уколов, тонко верещали. Бортник надел на руку выдавшую виды шляпу и, действуя ею, как клешнёй, поочерёдно выудил из гнезда и засунул в мешок трёх отчаянно извивающихся малышей.

Мягкая холщовая полость подействовала на пленников странным образом: они присмирели и успокоились.

Оживлённо обсуждая непредвиденную охоту, бортники поставили на стволе тамгу́ — родовой знак в виде двойного угла — и ушли восвояси, довольные тем, что так быстро обзавелись новой бортью (обычно её приходится вырубать целый день), а заодно избавили трудолюбивых пчёл от опасных соседей: все куницы обожают мёд и не упустят случая полакомиться им.

Молодых кунят, по совету егеря, они отдали работникам расположенной неподалёку зверофермы.

Бортники и не подозревали, что в дупле осталась Маха. Когда мать столь необыкновенным образом покинула гнездо, она глубоко втиснулась в одну из выщербин внутри дупла и не шелохнувшись просидела так до захода солнца.

Всё это время её никто не беспокоил. Маха осмелела и, вслушиваясь в монотонный гул леса, решила выглянуть. Небо было ещё прозрачным и просторным, но в тайге уже сгустились сумерки. Осмотревшись и не приметив ничего подозрительного, Маха опасно спустилась на землю.

Над травой толкалась мошкара, зло звенело комарьё; пискнула и неслышно исчезла во тьме летучая мышь; из-за гребня почерневших гор проклюнулся клыкастый месяц — в лесу всё шло своим чередом.

Недалеко от сосны влажный носик Махи учуял родной запах. Куничка взволнованно заметалась, а найдя клочки материнской шерсти, обеспокоилась ещё больше. Упорно рыскала она между переплетений обнажённых корней, но не находила иных следов. Невыносимая

тоска и отчаяние охватили осиротевшее существо.

Внезапно Маху обдало воздушной волной и жгучая боль пронзила бок. Над головой бесшумно, словно призрак, взмыл к угольно-чёрным макушкам сосен промахнувшийся филин.

Куничка запоздало шарахнулась в сторону и помчалась напропалую вниз по косогору, прочь от страшного места. Вслед жутко заухал раздражённый неудачей налётчик.

Прыгая через валежины¹, пни, рытвины, травянистые кочки, кубарем скатываясь с крутых откосов, Маха выбилась из сил. Мокрая, исхлёстанная ветвями, в изнеможении забралась она под выворотень², отдышавшись, зализала горевшую огнём рану, обессиленно вытянулась и уснула.

Выкатившийся на уже поголубевшее небо пылающий диск солнца залил тайгу живительными лучами. Пучки света, профильтрованные кронами деревьев, зажгли росистую траву, заиграли радужными искорками водяного бисера, нанизанного на тонкие нити паутинок.

Зорянка пробудилась ото сна и сыграла на звонкой флейте побудку. Ей в ответ со всех сторон затенькало, засвистело, и вскоре сводный лесной оркестр зазвучал

¹ Вале́жина — сухой ствол, упавший на землю.

² Вы́воротень — дерево с вывороченным, зачастую с землёй, корнем.

в полную силу. Лежавшую ничком Маху разбудил шорох — это припозднившаяся ежиха с вереницей ежат продиралась сквозь голенастые стебли травы.

Из-под выворотня на куничку неприветливо поглядывал паук. Между корней тяжело ворочался, поблёскивая матовой бронёй, жук-олень. Однако всё это не интересовало Маху. Она с щемящей тоской вспоминала мать и весёлых, задиристых братишек. Где они сейчас? Что с ними? Кругом витает столько запахов, но все чужие, незнакомые.

От перенесённого потрясения и изматывающего бега Маха даже после отдыха имела жалкий вид. Мышцы всё ещё подёргивались, кровь на боку запеклась, шерсть слиплась.

Глядя из своего укрытия на бегающие по дну горюхового ручья солнечные блики, она ощутила

нестерпимую жажду и голод. Жажду утолила легко, а вот добыть что-либо съедобное ей не удалось. Наконец после долгих поисков Маха заметила проشمывнувшую в норку остромордую мышку. Куничка мгновенно преобразилась. Выразительные чёрные глазки алчно заблестели, по шубке словно пробежал электрический ток, мышцы напряглись, вновь наливаясь силой.

Маха вспомнила, как мать в таких случаях затаивалась у входа и не шевелясь поджидала появления хозяйки норы. Теперь маленькая куница сама точно так же притаилась в траве в томительном ожидании. И когда ничего не подозревавшая мышь выбралась на свет, Маха придавила её к земле.

Не имея опыта, охотница принялась что есть силы мотать и энергично встряхивать жертву, до тех пор пока та наконец не стихла. Опьянённая кровью куничка в восторге несколько раз высоко подпрыгнула над своей первой добычей. Эх, видела бы её победу мама!

Так закончилось детство и началась самостоятельная жизнь Махи.

Утолив голод, воодушевлённая успешной охотой куничка взобралась на скалистую террасу. Надо было

оглядеться и решить, оставаться тут или искать для жительства более подходящее место.

Перед ней простиралась межгорная впадина, окружённая пологими увалами¹ с запада и зубчатой цепью гор с востока. С их ломаных граней, поросших кудрявыми соснами и островерхими елями, стекали светло-серыми языками каменные осыпи. Широкое дно впадины покрывал лиственный лес, разделённый блестящей извилистой нитью ручья на два неровных ломтя.

Учуяв на спуске с террасы метки других куниц, неопытная Маха решила, что и ей тоже можно здесь поселиться, и устроилась отдыхать в дупле сучковатой старой ели.

Когда освежённая сном куничка выглянула наружу, то увидела в закатных лучах солнца рыжую акробатку-белку. Та раскачивалась на ветке соседнего дерева, ухватившись за неё одной лапкой, затем легко перевернулась в воздухе колесом и помчалась вверх по стволу.

С завистью провожая её взглядом, Маха рассмотрела на стоящей неподалёку берёзе искусно сплетённую чашу гнезда. Перепрыгнув ближе, обнаружила в нём голубоватые яйца. Подлётевший зяблик с криком метался, запорхал вокруг, но был не в силах остановить грабительницу. Прокусывая скорлупу, Маха, жмурясь от удовольствия, выпивала содержимое. С этого дня она уже не упускала возможности полакомиться яйцами, а порой и птенцами.

¹ Ува́л — вытянутая в длину возвышенность с пологими склонами.

Правда, не всегда её набеги оставались безнаказанными: заметив как-то гнездо горлицы и убедившись, что хозяев нет, Маха прыгнула к небрежно сооружённому из сухих веточек гнезду-настилу. Два писклявых пуховичка, широко раскрыв клювы, настойчиво требовали пищи. Куничка не успела даже протянуть вооружённую когтями лапу, как на неё налетел крылатый вихрь. Яростные, болезненные удары клюва по темени сразу остудили охотничий пыл Махи. Спасаясь, она поспешила укрыться в густом кустарнике.

2

Время шло. Повзрослевшая куничка узнала, где находятся излюбленные места кормёжки рябчиков, куда улетаются они отдыхать на ночь, какая куча хвороста изобилует мышами, в каком ельнике обитают белки, под какими пнями вырыты норки бурундуков. Изучила повадки своей добычи. Научилась ловить и быстро расправляться с ней. В её движениях появились непринуждённая лёгкость и грация. В характере — выдержка и самообладание.

Теперь Маха подолгу гоняла белок, соперничая с ними в быстроте и ловкости. Однако нападать на них пока не решалась.

Однажды куничка обнаружила хорошо натопанную тропинку, которая вывела её в небольшую котловину, заросшую чернотелом. Перебежав через болотину, Маха поднялась на сухой взлобок, покрытый оспинами

свежих ямок, выветрившимся помётом, обломками покусанных веток и обглоданными костями. Чуть дальше, между отполированных снизу стволов, резвились большеголовые волчата.

Маха смекнула, что встреча с ними не сулит ничего хорошего, и немедля повернула прочь от волчьего логова. Интуиция подсказала, что тропинкой уходить не следует. Взобравшись на расщеплённую ветром ольху, куница пошла вёрхом и благодаря этому избежала встречи с матёрым волком, спешившим с добычей к своему прожорливому семейству.

Всё реже и реже спускалась куничка на землю, где на каждом шагу подстерегали опасности. Только на деревьях, в зелёном пологе леса, Маха чувствовала себя уверенно. Птицы и белки, обитавшие здесь, завидев её, поднимали тревожный гвалт и в панике разлетались, разбегались кто куда.

Маха вытянулась, стала выше и крепче. Шубка, покрывавшая стройное мускулистое тело, приобрела приятный бежевый оттенок, шею и грудь украсило жёлто-кремовое пятно, рана на боку зажила, подёрнулась нежным пушком. Ощущение одиночества и беспомощности прошло. Маха стала полновластной хозяйкой верхнего яруса леса.

Во время дневного зноя она предпочитала дремать в прохладе дупла. Но как только стихал птичий гомон, Маха,

не обращая внимания на вопли филина, выходила на охоту.

В один из таких вечеров, спускаясь вдоль ключа к отлогому берегу реки, куница слышала треск и густой шум листвы падающего дерева. Маха встрепелась и, мигом взлетев на громадный вяз, по-гусиному вытянула шею, пытаясь рассмотреть место, откуда донёлся шум, но частая листва скрывала от неё низкий берег.

Размашисто прыгая по ветвям, куница перебралась поближе. Слабый ветер мягко шелестел листвой и скрадывал шум прыжков.

На краю узкой прибрежной гривки, сплошь заросшей тальником¹, над поваленным деревом горбились чёрные силуэты — два солидных бобра сосредоточенно объедали молодую сочную кору осины. В глубине леса под чьей-то неосторожной лапой хрустнула хворостина. Пугливые звери мгновенно встали столбиками. Настороженно огляделись. И, более полагаясь на слух, чем на зрение, нырнули в заводь, предупреждая остальных членов колонии об опасности мощными и хлёткими, как выстрел, ударами чешуйчатых хвостов о воду. Брызги взметнулись ввысь, и отражённый лик луны разлетелся на жёлтые осколки.

Лес ответил ещё большим переполохом. Какой-то, скрытый непроглядной тьмой, таёжный исполин, с оглушительным треском тараня глухолесье, понёсся прочь. Шум быстро распространялся вширь, но, удаляясь вглубь чащобы, постепенно стих. Зато в заводи завозился кто-то большой, могучий.

¹ Т а л ь н и к — кустарниковая ива.

Приближался рассвет. Река облачалась в молочные одеяния. Ели на противоположном берегу постепенно таяли в волнистой мгле. Вскоре лишь верхушки самых высоких торчали из тумана, точно молоденькие ёлочки на заснеженном поле. От воды дохнуло промозглой сыростью. Зябко передёрнувшись, Маха побежала было по откосу на сухое продуваемое взгорье, как вдруг в глубине кроны ближней берёзы бестолково захлопал крыльями рябчик.

Куница сноровисто вскарабкалась по гладкому, в чёрных отметинах стволу к спящему выводку. Цапнула подвернувшуюся курочку, но, не удержавшись на ветке, неуклюже шмякнулась вместе с добычей на землю. От сильного удара она разжала коготки и выпустила рябуху. Той бы сразу взлететь да раствориться в лесных крепях¹. Ан нет! Глупая тоненько запищала и, путаясь в траве, суматошно засемила прочь. Маха настигла её одним броском.

Подкрепившись, куничка перешла через ручей по поваленной лесине², как по мостику, и чутко обернулась: в её сторону бежала пара куниц. Махе и прежде попадались их следы, но она инстинктивно избегала встречи с соседями.

Увидев незваную гостью, парочка негодуя застрекотала. Несдобровать бы Махе, если б не отчаянное бегство. Разъярённые хозяева настырно преследовали её до тех пор, пока не выдворили за пределы своей вотчины.

¹ Креп ь — здесь: глухолесье, глухой лес.

² Лес и на — одно, обычно большое дерево; ствол.

Выскочив на усеянное крупной галькой ложе реки, Маха припустила без оглядки вверх по стиснутому крутобокими сопками¹ сухому руслу.

Гонимая паническим страхом, она уходила всё дальше и дальше. За спиной уже осталось немало кривунов и скалистых прижимов², когда до неё донёсся мощный гул. Маха ещё долго бежала, прежде чем увидела глубокий разлом-колодец, в котором с рёвом, дымясь летучей моросью, бесследно исчезала река.

Взобравшись по груде каменистой осыпи на лесистую кручу, Маха заметила сквозь просветы между ветвей планирующего к основанию пушистой лиственницы небольшого зверька в серой бархатистой шубке. Это была безобидная белка-летяга. Куница бросилась к комлю дерева в расчёте перехватить её на месте посадки, однако летяга в последний миг выполнила замысловатый вираж и пристволилась метрах в шести. Но не успела она вскарабкаться и до середины ствола, как её всё-таки настигли клыки шустрой разбойницы.

Осваивая новые владения, Маха набрела на затерявшееся в горах озерцо. И сразу же в зарослях осоки взяла свежий след жировавших беляков. Зайчиха, пытаясь отвести от потомства нависшую беду, сделала три гигантские смётки в сторону и с силой забарабанила передними лапами о землю. Но поздно: Маха

¹ Сопка — на Дальнем Востоке и в Сибири: небольшая гора.

² Прижим — место на излучине реки, в которое бьёт речной поток.

уже учуяла затаившихся малышей. Играючи поймала и тут же съела одного из них. Насытившись, стала великодушной и остальных, разбежавшихся в суматохе, разыскивать поленилась.

Незаметно пролетело лето. Вот уже первый заморозок, возвещающий о скором увядании природы, выбелил травы и запалил по склонам сопок многоцветные костры. На изумрудном хвойном поле, усеянном плотными смолистыми шишками, жёлтым пламенем запылали берёзы, оранжевым — осины. Яркими мазками заалели гроздья рябины, плоды шиповника. Во мху под елями сочно краснела брусника. Зазывающе кокетливо кивали рогатые букетики лещины. Колонии опят сплошь покрыли пни и валежины. Все обитатели леса жировали на богатых кормах, готовясь к длинной зиме.

Маха частенько посещала излучину реки, густо заросшую черёмухой. Однажды, когда она забралась в самую гущу и принялась с удовольствием поедать остатки вяжуще-сладких ягод, неподалёку кто-то шумно засопел. Маха резко обернулась. На старой разросшейся черёмухе колыхались ветки. Одна из них изогнулась и, описав крутую дугу, замерла между стволов,

где на «троне» из веток восседал медведь. Забавно причмокивая и довольно урча, он отправлял в громадную пасть подвявшие черёмуховые кисти. Косолапый не утруждал себя лишними движениями и просто заламывал плодоносные ветки.

Насторожив ушки, время от времени поглядывая на косматого громилу, Маха торопливо набила желудок и, не задерживаясь, вернулась на продуваемый увал...

День ото дня холодало. Порывистый ветер безжалостно срывал поблёкшие листья. Обгоняя всклокоченные тучи, потянулись на юг, в тёплые края, разномастные птичьи косяки. Привольно жилось теперь Махе в поредевших кронах. Похолодание принесло приятные перемены: исчезли наконец докучливые кровососы. Разоряя по ночам беличьи гнёзда, она всё реже спускалась на землю.

С наступлением темноты тайга оглашалась трубным рёвом. Зычные, басовитые ноты, набирая мощь и силу, звучали слитно, напористо. Накаляясь первобытной страстью, рёв взвивался до трепетно вибрирующих переливов и, не выдерживая напряжения, как бы скалывался, захлёбывался шумным, сиплым стоном. Тайга и небеса на мгновение замирали и откликались стозвучным эхом. Это благородные олени-маралы¹, переселенцы с далёкого Алтая, вызывали соперников на честный

¹ Марáл — крупный олень с большими ветвистыми рогами у самцов.

бой. Маху их могучий рёв не волновал, но когда он раздался совсем близко, то врождённое любопытство погнало её туда, где на краю опушки, выбеленной луной, ревел красавец бык, горделиво запрокинув на спину ветвистые рога. Белые острые концы отростков угрожающе поблёскивали, словно пики. Рядом мирно паслись три ланки¹. Оборвав рёв на низком протяжном стоне, марал от избытка чувств запустил рога в заросли орешника и принялся крутить ими, спутывая ветки в узлы и тут же разрывая их на части.

В это время со стороны сопки слышался нарастающий треск. Маха проворно вскарабкалась на вершину сосны и оттуда увидела, как на открытый пятачок из леса выломился молодой рогач.

Налитые кровью глаза горели, как угли, ноздри трепетали, шерсть на загривке дыбилась. Увидев хозяина гарема, пришелец протрубил ответный вызов, нацелил на соперника острые рога и, изнемогая от ярости, с силой забил копытами о землю. Угроза не подействовала, и тогда он ринулся в атаку, рассчитывая обратить хозяина в бегство, а самому завладеть ланками. Разогнавшись, он попытался боднуть острыми пиками незащищённый литой бок соперника. Но опытный боец отскочил в сторону и ответил точным ударом. Холостяк не устоял, повалился, но, быстро вскочив, вновь разъярённо кинулся на противника. Оглушительный треск рогов то и дело заставлял вздрагивать

¹ Л а́ н к а — самка оленя.

Маху. Олени, сдавленно хрипя и фыркая, то разбежались, то вновь сшибались и, скрестив рога, топтались по кругу.

Пожухшая трава на месте сражения была уже выбита копытами до земли. Пар поднимался от разгорячённых, почерневших от пота тел. С губ хлопьями слетала кровавая пена.

Статный пришелец горячился, нападал безостановочно, но чувствовалось, что он, несмотря на молодость, выдыхается. Не так стремительны стали атаки. Сам он едва успевал уворачиваться от ответных ударов. Взмыленные бока ходили ходуном. Розовый язык вывалился наружу; рана на груди кровоточила.

Закалённый в турнирных боях хозяин гарема отбился хладнокровно. Воспользовавшись тем, что соперник попытался перевести дух, неожиданно мощным броском оттеснил конкурента в кусты и, сделав резкое движение сильной шеей, повалил его наземь. Вскинулся на дыбы. Ещё мгновение — затопчет, иссечёт пришельца острыми копытами, но бессмысленная жестокость не в чести у животных.

Оставив посрамлённого быка, победитель вернулся в общество притихших маралух, оглашая окрестности ликующим победным кличем. Поверженный соперник медленно поднялся и, не оглядываясь, удалился к глухой старице¹ — зализывать раны и восстанавливать силы, питаясь мясистыми стеблями и корневищами суса́ка, элоде́и, рдеста.

¹ Ста́рица — старое русло реки.

Дни становились всё короче, а ночи длиннее и холоднее. В тех местах, где ручей замедлял бег, берега уже обметало узорчатым ледком. Пронизывающий ветер обжигал чёрные оголённые ветки. Зима стучалась в мёртво сквозящий лес.

Высунувшись однажды из дупла, Маха не признала окрестностей. Чего-то белого, незнакомого навалило сразу столько, что тайга совершенно преобразилась. Земля как бы приподнялась, а деревья опустились, стали ниже. Ветви, кусты, валежины, заплыв белым «жиром», растолстели. Нижние лапы елей, согнувшись под тяжестью покрова, образовали покатые шатры — удобные прибежища для обитателей леса.

Маха сначала понюхала, потом полизала переливчатые блёстки. Осторожно ступила на неслежавшийся пух, попоной укрывавший толстый сук. Он податливо сминался, слегка хрустел и приятно холодил лапки.

Сверху на спину серебром посыпалась кухта¹. Куница с непривычки поёжилась и брезгливо отряхнулась. Упругая волна прокатилась по роскошной шубке, которую теперь тоже было не узнать. Более светлый зимний мех достиг полной пышности. Глянцевая ость² мягко струилась, мерцала янтарными искорками. Густая подпушь должна была надёжно защитить от морозов и пронизывающих ветров.

¹ Кухта́ — снег, падающий с веток.

² Ость — длинный жёсткий волос в шерсти животного.

Сообразив, что теперь лучше ходить понизу, Маха спрыгнула на белый волнистый покров и глубоко погрузилась в мягкую перину. Выбравшись, с удивлением осмотрела ямистый след и, принаравливаясь к снежной рыхлости, отправилась в ельник, где частенько удачно охотилась на рябцов.

Пробегая через бурелом, она столкнулась с ярко-охристым зверьком в чёрной «маске». Оба замерли, напрягшись, как туго закрученные пружины. Немигающим взглядом долго прощупывали друг друга, старательно цедя носами морозный воздух.

Рыжий колонок был на редкость злобным и агрессивным созданием. Держался вызывающе, однако, уступая Махе в силе, не осмеливался напасть первым. Видя нерешительность «дальней родственницы», он, воинственно выгнув спину, свирепо ощерился и, резко прострекотав, всё же сделал несколько устрашающих выпадов. Не довольствуясь этим, обдал куницу скверно пахнущей струёй и только тогда нырнул в снег, где чувствовал себя словно рыба в воде.

Обежав ельник, в котором обычно хоронился табунок рябчиков, Маха с удивлением обнаружила, что лесных курочек, отдыхающих по ночам под прикрытием еловых лап, нигде нет. И не успела поразмыслить над тем, куда могла запропасться её любимая добыча, как снег перед ней покрылся белыми снопами взрывов, — обдавая куницу искристой пылью, из-под лап выпархивали рябчики. Встревоженные подозрительным хрустом курочки рассаживались на деревьях и, внимательно наблюдая за своим извечным «пастухом»,

перелетали вглубь леса, как только он пытался приблизиться. Кожистые наросты на лапках рябчиков к зиме отвердели, и птицы без труда могли сидеть даже на обледенелых ветках.

Маха быстро усвоила, что рябцы, набив за день берёзовыми почками полный зоб, вечером прямо с дерева ныряют в пышные сугробы и сидят там всю ночь, пока восходящее солнце не ослабит мороз. Под снегом тепло и безопасно: к убежищу ни единого следа — попробуй-ка найти! Только опытный глаз может отличить лунку лесной курочки от вмятины, оставленной свалившимся с ветки снежным комом. Научившись распознавать спальни рябчиков, Маха тем не менее за зиму всего несколько раз сумела полакомиться их белым нежным мясом: осторожные птицы делали под снегом боковые ходы, и она зачастую прыгала на пустую лунку.

При неудачной охоте на рябцов или белок куницу выручали мыши. Приблизившись к куче хвороста или валежин, Маха слушала, откуда донесётся писк мышиной братии, и, определив это место, исчезала в сугробе, чтобы вскоре появиться с добычей. Пары мышек ей хватало, чтобы насытиться.

В лютую стужу, когда прокалившиеся на морозе стволы звонко лопались, Маха становилась малоподвижной, и если перед этим охота была успешной, то не выбиралась из логова сутками.

После одной из таких вынужденных отсидок проголодавшаяся куница заметила лунку непривычно

большого размера и, перейдя на мелкий шаг, подкралась к ней. Из-под снега исходил аппетитный запах громадной бурой птицы, которую Махе доводилось видеть на соснах, где та поедала длинную хвою. Это был запах глухаря.

Долго стояла куница с приподнятой лапой. Взволнованно принюхивалась к дразнящему аромату. По телу волнами прокатывалась пьянящая охотничья страсть. Близость добычи манила. И всё же, несмотря на голод, Маха робела, догадываясь, какая сила таится в пернатом гиганте. Наконец воспоминание о том, как испуганно отлетали, увидев её, глухари, придало куничке решимости. Останавливаясь через каждые три-четыре шажка, она подошла к спальне и, поколебавшись секунду, всё же нырнула в снег.

Застигнутый врасплох петух, энергично хлопая тугими крыльями, выметнулся из сугроба и, обвитый, словно змеей, длинным мускулистым телом Махи, понёсся по снежной целине. Грузно оторвался и, с трудом лавируя между ветвей, полетел сквозь лес, медленно набирая высоту. Тем временем две пары длинных клыков всё глубже вгрызались в его шею.

Пытаясь языком вытолкнуть набившиеся в пасть перья, Маха ослабила хватку. Глухарь в то же мгновение взмыл вверх и перекувырнулся в воздухе. Когти охотницы предательски заскользили по плотному оперению. Воодушевлённый петух принялся закладывать такие крутые виражи и спирали, что куничка едва удержалась, — полетела было вниз, но в последний миг всё-таки исхитрилась вцепиться зубами

в длинные хвостовые перья и запустить крючковатые когти в огузок.

Истекая кровью от ран на шее, скованный висевшей на хвосте хищницей, глухарь неуверенно тянул над макушками деревьев. Но и у куницы силы иссякали, мышцы от невероятного напряжения свело болезненной судорогой.

В это время птицу, зацепившуюся крылом за вершину сосны, резко повело в сторону. На сей раз измотанная куница не удержалась и сорвалась в снег. Освободившийся от ноши глухарь выправился и спланировал к устью распадка. Но жизнь вместе с горячей струйкой крови уже покидала таёжного красавца.

Маха выбралась из сугроба и с неожиданным для себя проворством побежала на шум бившейся в агонии птицы. Ожесточённая поединком, она, наслаждаясь властью победителя, рвала и трепала уже мёртвого глухаря. Перья летели по ветру, словно хлопья сажи.

Утолив голод, удачливая охотница насилу затащила остатки добычи под заснеженную валежину. Нагребла подстилку из сухой травы, листьев и провела в потаённом убежище несколько беззаботных дней. На лопатках и животе у неё впервые за зиму появился жирок.

На исходе четвёртого дня её сытый покой нарушил залиvistый лай. От резких, пружинистых прыжков белки, преследуемой собакой, с еловых лап срывался и повисал меж стволов облачками мелкий снег. Вот изнурённая беглянка затаилась. Сухо щёлкнул выстрел, и подошедший на лыжах охотник вынул из сугроба убитого зверька. Лай, удаляясь, понёсся к другой стороне распадка. Зверобой торопливо заскользил следом.

Дождавшись сумерек, Маха, тревожно озираясь, выбралась из укрытия. Со стороны ручья ветер нёс резкий запах дыма. Среди чёрных стволов мелькнул страшным глазом костёр — неизменный спутник человека. Появление его в лесу не предвещало ничего хорошего. Однако обленившаяся от сытости и покоя куница отогнала недобрые предчувствия и, побегав немного, юркнула в ближайшее дупло. Беспечно свернулась там калачиком, накрылась пушистым хвостом и уснула.

Когда на востоке проклюнулось холодное тусклое солнце, охотник, ушедший давеча слишком далеко от деревни и вынужденный заночевать в лесу, быстро собрался и, подгоняемый морозом, заспешил домой. Аккуратная строчка свежих следов, пересекавшая его вчерашнюю лыжню, сразу привлекла внимание.

— Куница! Вот это удача! Сезон только начался, а богатая добыча прямо под носом бегаёт, — обрадовался промысловик, а увидев, как близко прошли они вчера от покинутого куницей убежища, набросился на пса: — Ну и бестолочь ты, Актабан! Куда глядел? Куница рядом была, а ты белок считал! Ну, ничего, от нас, брат, не уйдёшь!

К их счастью, раздобревшая куница вёрхом почти не ходила, и пёс, взяв выходной след, быстро нашёл её новое пристанище. Нетерпеливо взлаивая и скуля, Актабан старательно заскрёб когтями кору заиндевелой сосны. Охотник сразу разглядел на высоте пяти-шести метров чернеющий пяточок дупла.

Унимая волнение, он скинул котомку, прислонил к ней ружьё. Несколько раз шарахнул обухом топора по ровной, без единого сучка, бронзовой колонне. Пугливые снежинки окутали сосну, покрыли серебристой пылью тёмную фигуру человека.

Тихо. Маха затаилась крепко и ничем не обнаруживала своего присутствия. Это обстоятельство не смутило промысловика. Он срубил молодую ель, окоротил разлапистые ветки и, прислонив её к стволу, поднялся по ней, словно по лестнице.

Надев на рукавицу брезентовую верхонку¹, запустил руку в дупло сначала по локоть, а затем, скинув телогрейку, по самое плечо, но до дна так и не дотянулся. Заткнув лаз шапкой, он простучал ствол топором и по звуку определил нижнюю границу полости. Вырубил отверстие и с надеждой пошарил в нижней части дупла, но Маха молча увернулась и вскарабкалась по губчатой трубе вверх.

Спустившись на землю, человек вынул из котомки сетчатый «рукавчик», скобки и несколько завитков бересты. Срезал прутик чуть длиннее «рукавчика». Заострил с одного конца и расщепил с другого. Открытый конец ловушки прикрепил скобами к верхнему лазу, а глухой оттянул рогулькой перпендикулярно к стволу. В прорубленное снизу отверстие сунул горящую бересту и стал терпеливо ждать. У подошвы сосны, повизгивая от возбуждения, вертелся пёс. Сухая труха стенок затлела, наполнила дупло удушливым чадом. Из верхнего лаза потянулась струйка синего, впережку с чёрным дыма.

В пасти у Махи стало вязко и горько. Казалось, минуты её жизни сочтены. Задыхаясь, она вдавила нос в пористые гнилушки и стиснула челюсти. Дышать стало легче.

Мёртвая тишина поколебала уверенность охотника.

— Что за чертовщина? Неужели куницы в дупле нет? Небось сидит сейчас где-нибудь в ветвях, насмеяется. Либо вообще ушла грядой. Да не должна бы:

¹ Верхонка — просторная рабочая рукавица, надеваемая поверх варежки.

Актабан не зевнёт. Хотя вчера вон как оплошал, — гадал он, совершенно сбитый с толку.

Устав стоять на вертлявой лестнице, промысловик слез передохнуть. Собрал хворост, наладил костерок, заварил крепкий душистый чай и, отхлёбывая его крохотными глотками, то и дело поглядывал на солнце. Проводить вторую ночь у ноды¹ ему не хотелось. В тайгу он пошёл только на разведку, чтобы определить, в какой стороне нынче держится белка. Но Актабан, облаивая их одну за другой, увёл хозяина за перевал, а вот сегодня карты спутала куница...

— Да чего ради морозиться понапрасну? Нижний ход забью. Если куница в дупле, то «рукавчик» не даст ей уйти — спеленает намертво. Переночую дома, а завтра сюда к обеду с палаткой, печуркой и продуктами на пару недель белковать вернусь, — убеждал себя охотник, незаметно собираясь.

Лайка недоуменно наблюдала за хозяином и ни в какую не хотела идти следом. Охотник вынужден был вернуться к сосне и взять упирившегося Актабана на поводок.

Едва ли они успели пройти треть пути, как ударил шквальный ветер, утопив всё в снежной мгле. К ночи вьюга разыгралась в полную силу. Закачалась, застонала тайга. Хлёткие, напористые порывы ветра срывали с деревьев улежавшиеся снежные глыбы. Одна из них

¹ Нодья́ — особый охотничий костёр для зимней ночёвки. Делается из двух-трёх сухих хвойных стволов, уложенных один на другой.

по воле случая угодила в «рукавчик» и сместила деревянное кольцо.

Смышлёная узница протиснулась в образовавшуюся щель и покинула осаждённую крепость.

Морозный воздух, снежная круговерть быстро взбудрили её. Вскоре Маха нашла буреломный затвал и в затишке повалилась в снег, очищая прокоптившуюся шубку и стряхивая с себя приставший мусор. Инстинкт и горький опыт подсказывали, что оставаться в этом лесу опасно.

Перебиваясь в дороге случайной пищей, снова и снова взбираясь на скалы, ныряя в распадки, беглянка достигла высоких, мощных хребтов и углубилась в молчаливый сумрак перестойных ельников.

Облюбовав межгорное урочище¹, изобиловавшее белками и рябчиками, Маха обследовала участок и, убедившись, что он свободен, застолбила запахowymi метками свою новую вотчину.

Однообразно потекли морозные дни. Порой казалось, что тайга вымерла. Лишь неприятный скрежет сойки, гулкое постукивание работяги дятла да резкие выстрелы лопающихся от мороза деревьев изредка тревожили стылое таёжное безмолвие.

Промёрзшие насквозь отроги² тянули заиндевелившие вершины в поднебесную высь, поближе к солнцу, но и там не находили тепла.

¹ Урочище — участок, отличающийся от окружающей местности. Здесь: отдельный глухой или старый, спелый лес.

² Отрог — ответвление основной горной цепи.

Глубина снежного покрова позволяла кунице ночевать в пустотах под сугробами: в них теплее и в случае опасности всегда можно уйти от преследователей снежным тоннелем.

Пробежки по пушистой перине утомляли маленькую хищницу, и, обегая как-то раз свои владения, Маха воспользовалась попутной лосиной тропой. Местами следы широко разбредались — это лоси глодали кору деревьев, обкусывали кончики веток редкой здесь осины, поедали пряди лишайников, отдыхали прямо в снегу, оставляя после себя овальные лёжки с чуть обледенелыми стенками, хранящими примёрзшие бурые шерстинки. Потом следы вновь сливались в одну тропу и вели к изголовью короткого ложка, откуда, несмотря на мороз, дымящимся родничком вытекала рыжая струйка воды, обрамлённая красной глиной с белым налётом соли, перемешанной множеством копыт. Со дна вылизанных лосями углублений, глухо шипя, выбивалась охристая жижа, вскипавшая время от времени пузырьчатыми кругами.

Полизав солоноватую накипь, Маха заела её терпкой рябиной и направилась к устью лога, где возбуждённо шныряли сойки. Гребни сугробов вокруг были сплошь исчирканы копытами, в воздухе витал волнующий запах крови. Куничка закрутилась по лесу и в примятых зарослях калины нашла растерзанную волчьей стаей лосиху.

Маха обошла полусъеденную тушу и, воровски озираясь, с жадностью набросилась на прихваченное

морозом мясо. Постоловавшись, залегла неподалёку, рассчитывая надолго освободиться от забот о пропитании, но вернувшаяся среди ночи стая волков нарушила её планы. К утру от лосихи остались только обглоданные кости, да и то лишь самые крупные.

4

Долго тянется зима, но и у неё есть конец. Весна, словно извиняясь за свою медлительность, дружно и бесповоротно вступила в свои права. Запылавшее жарким костром солнце наполнило промороженное дно тайги живительными волнами тепла.

Под напором пробудившихся жизненных соков лес быстро преобразался. Почки набухли, кроны загустели. На южных склонах заржавели первые приствольные круги. Съёжившиеся снега плавились, насыщались влагой. Однако ночью отяжелевшие кристаллы вновь спаивались морозом, образуя прочный наст.

Для копытных и боровой дичи¹ наступила самая тяжёлая пора. Олени проваливались сквозь наст и резали голени о его острые кромки. Птицы, ночевавшие под снегом, по утрам с великим трудом пробивали обледенелую корку. Особенно доставалось самым мелким из них — рябчикам и куропаткам. Тетерева, а тем более глухари, страдали меньше.

¹ Боровая дичь — лесная птица (рябчики, куропатки, тетерева, глухари), являющаяся объектом охоты, спящая зимой под снегом.

Зато волки и рыси благоденствовали. Для них пришло время долгожданного пиршества. Больше всех лютовали оголодавшие за зиму серые разбойники. В приступах необузданной жадности они без меры резали косуль и стельных¹ лосих. К счастью, эта ужасная пора непродолжительна.

Всё увереннее гремели ручьи. Быстро таяли, обрстая накопившимся за зиму лесным мусором, ноздреватые сугробы. На южных склонах появились и стремительно разрастались обширные проталины, покрытые шершавой коростой из спрессованных за зиму листьев, травы и хвои. Местами земля бугрилась прожилками ходов землероек и свежими кротовыми холмиками.

На рассвете Маху дразнили булькающие звуки тетеревиных песен. Краснобровые петухи горделиво выпячивали иссиня-чёрную грудь, распушив лирообразный хвост, демонстрировали на обсохших полянах свою силу и удаль. Наиболее воинственные, хлопая крыльями, насакивали на соперников, гонялись друг за другом. Но, несмотря на турнирный экстаз и стремление привлечь внимание тетёрок, петухи были достаточно бдительны и Маху близко не подпускали.

Днём в единственную здесь берёзовую рощу слетались дятлы. Они пили из специально пробитых в коре дырочек сладкий сок. Махе он тоже пришёлся по вкусу, и она охотно припадала к источнику сочащейся влаги, чтобы утолить жажду, подкрепить силы.

¹ Стéльная — беременная самка копытных.

Каждый уголок леса наполнялся жизнью. Зашелестели клейкой листвой деревья. Шелковистая травка покрыла склоны бархатисто-изумрудным ковром. Зацвела черёмуха, за ней — рябина, калина. Незаметно весна перешла в лето. Мало-помалу стихали брачные песни птиц. Смолкли трели обременённого семейными заботами зяблика.

Почти каждый день после полудня над тайгой вызревали между двух хребтов тёмно-лиловые тучи. Жизнь в урочище перед грозой замирала; томительное напряжение росло; духота сгущалась, становилась невыносимой. Какое-то невидимое парализующее поле пронизывало всё живое. Наконец из непроницаемых чёрных туч срывался к земле тугой, ослепительный сноп света, на мгновение озарявший притихшую долину белым сиянием. И вновь воцарялся полумрак. Затем оглушительный треск раскалывал пространство, сотрясая каменные отроги. Отдыхавший за могучей спиной хребта ветер пробуждался и, разъярённый, врывался в долину. Следом из разом прохудившихся небес низвергался на ещё не успевшую подсохнуть землю очередной щедрый ливень.

По утрам обласканная солнцем земля дымилась влажными испарениями. Свежо пахло листвой и хвоей. Тучные травы мешали бегать. Маха, мокрая от росы, то и дело брезгливо отряхивалась и спешила перебраться в продуваемый ветерком верхний ярус леса, где,

распластавшись на тёплой коре толстого сука, беспечно дремала до следующего ливня, от которого спасалась в дупле или под многослойным пологом ближайшего елового шатра. Там всегда было сухо, а иной раз даже удавалось добыть прятавшуюся от дождя пичугу. Если верховая охота завершалась неудачей, то куница всё же спускалась вниз и, забравшись на корягу или пенёк, терпеливо снося укусы мошек, назойливо лезших в нос и уши, караулила коротколапых кротов, выбирававшихся из-под земли за дождевыми червями. Её упорство неизменно вознаграждалось вкусным обедом.

Иногда Маха бегала вдоль набухшего ручья к реке, где ловила увлечённых базарной болтовнёй лягушек. Возле неглубоких заливов куница частенько видела лосей с неуклюжими смешными телятами на ногах-ходулях. Они паслись на обильном разнотравье, отдавая предпочтение иван-чаю.

Взрослые лоси с удовольствием заходили в заводи и бродили по брюхо в воде. Отщипнув пучок водорослей, они вскидывали головы, с наслаждением отфыркивались от стекавшей по горбоносым мордам воды и хрумкали сочными стеблями.

Как-то, безуспешно прогонявшись по деревьям за белкой, раздражённая падением с мокрых ветвей, Маха отдыхала на узкой надпойменной¹ террасе. Снизу донёсся невнятный стук. Навострив подвижные ушки, куница мелкими шагами прошла по полуистлевшему стволу и мягко спрыгнула на обомшелый валун.

¹ Пóйма — низкая часть речной долины, заливаемая в половодье.

Вперед, под скалистым обнажением, зияла узкая брешь. Из неё веяло холодом, а между камней струился ручеек. Скользя по крутым бокам голышей, сильно замочив лапы, Маха проникла в мрачный каменный мешок, покрытый осклизлым чёрным налётом. Гулкое эхо капли с невидимого свода нарушало тягостную тишину.

С живым интересом оглядев влажно поблёскивающие стены, таинственные ниши и щели, куница пошла дальше. Дно грота поднималось ступеньками. Вскоре дорогу загородил высокий известковый выступ, заплывший сверху ледяным козырьком, из которого торчала наполовину вытаявшая туша бурого медведя. От падающих на Маху холодных капель её шубка отсырела, и куница поспешила на волю — погреться и обсохнуть...

5

Минул ещё один год, и снова наступило лето, третье в жизни лесной охотницы. Всё это время Маха по-прежнему обитала в любимившемся межгорном урочище, изученном до последнего кустика. По-прежнему бродила она в одиночестве, не встречаясь с другими

куницами, — Маха хорошо помнила, как пара соплеменниц когда-то чуть не загрызла её, изгоняя из своих владений.

Но вот однажды тёплой лунной ночью Маха приметила бегущего по её следу сородича-самца. Сначала она оробела. Птицей взлетела по стволу на вершину дерева. Самец последовал за нею. Но прошло то время, когда Маха чувствовала себя беззащитным существом. Куница не собиралась уступать свои владения без боя. Желая напугать преследователя, она свирепо оскалила пасть, сморщила нос и устрашающе зафыркала.

Обескураженный самец, имевший иные, самые добрые намерения и не ожидавший такого приёма от очаровательной кунички, покорно спрыгнул вниз и, забравшись в траву, выжидающе вытянулся поодаль. Маха тем временем воспользовалась появлением тумана и ушла вёрхом вглубь тайги. Настойчивый незнакомец вновь разыскал её и, почтительно соблюдая дистанцию, повсюду следовал за ней.

Между тем куница проголодалась. Разглядев мельтешивших среди деревьев зайчат, Маха, припадая к земле, неслышно подкралась к ним. Зайчата, не подозревая, какая опасность подстерегает их за кустом можжевельника, беспечно играя, приближались к засаде.

Не сдержавшись, Маха в преждевременном прыжке попыталась достать одного из них. Высоко вскидывая зады, косые рассыпались в разные стороны, и один из них угодил прямо в лапы настойчивого ухажёра. Неудачник, коротко и пронзительно проверещав, стих.

Облизнув окровавленную морду, самец приосанился и призывно зауркал, приглашая пленившую его куницу на трапезу. Оценив наконец галантность кавалера, Маха с нарочитой медлительностью приблизилась. Они обнюхали друг друга. Помолвка состоялась.

После совместного пиршества куница великодушно позволила сопровождать себя. Ободренный самец, радостно размахивая хвостом, то с нежностью прижимался к её боку, то, ластясь, тёрся головой о её грудку. Такое непривычное обращение действовало на Маху возбуждающе. Она с наслаждением замирала от щеко-
чущих прикосновений, щурила
глазки. Игриво, только для вида,
увёртывалась, ворчала, но, охва-
ченная неизъяснимым томлени-
ем, вновь замирала... Пришла
пора брачных игр.

Когда любовные утехы наскучили и Маху стал тяготить нежный ухажёр, она бесцеремонно выставила его за пределы участка и вернулась к привычному уединённому образу жизни.

Поселившийся в соседнем распадке самец первое время регулярно навещал её, но Маха не проявляла к нему прежней симпатии. Встречала неприветливо, а если он ненароком затягивал визит, решительно прогоняла...

6

Осень выдалась на редкость ненастной, холодной. Тайга, не просыхавшая всё лето, теперь и вовсе потонула в сырости. На поверхности земли не осталось ни одного углубления, в котором не поблёскивала бы вода. Над рекой и низинами пластался молочным разливом туман. Нудно, тоскливо шумел лес. По небу косматыми табунами нескончаемо тянулись свинцовые тучи. Порывистый ветер безжалостно трепал, срывал листья. Опалённые первыми заморозками травы поникли.

Не уродились ни орехи, ни жёлуди, ни ягоды. Не было даже грибов. Валом откатились на запад, за перевал, спасаясь от бескормицы, белки, улетели кедровки, сойки, кукушки, клесты. Утянулись на юг перелётные караваны. Всё живое покидало, обходило стороной бесплодный край. Маха, прижившись на новом месте, не решалась последовать вслед за белками туда, откуда она в своё время была изгнана. В довершение всего в начале зимы, после обильных снегопадов, ночью случилась необыкновенная оттепель с настоящим ливнем.

А к утру северный ветер принёс столь резкое похолодание, что щедро политые снега схватились толстой ледяной коркой, навсегда замурававшей бóльшую часть боровой птицы в снежных спальнях.

Для Махи наступили тяжёлые дни. Изредка ей удавалось поймать мышь, но мелкая добыча лишь распаляла аппетит.

В поисках пищи она забралась на гладкоствольную осину и высоко над землёй заметила отверстие непривычной прямоугольной формы. Маха заглянула в него. Грозный хозяин квартиры — дятел-желна́ — не одобрил любопытства куницы и сильно ударил её клювом по голове.

Ошеломлённая Маха спустилась вниз и, съев несколько случайно уцелевших плодов шиповника, вспомнила про пещеру под высокой кручей, где она видела вмёрзшего в лёд медведя. Как можно было забыть про этот склад мяса?! Там ведь его столько, что и на год хватит!

Торопливо спустившись на памятную террасу, куница застыла от удивления. На месте высокой кручи темнел глубокий провал. Росшие когда-то тут деревья целиком исчезли в нём, и только сомкнувшиеся макушки едва выглядывали из центра образовавшейся воронки. Не желая мириться с угрозой падения, они поддерживали друг друга ветвями, а корнями ещё пытались удержаться за разорванные пласты почвы.

Дотошно обследовав склоны провала, неровными ступеньками уходящие вниз, и не найдя ни одной лазейки в пещеру, Маха совсем приуныла.

Находясь в беспрестанном, но безуспешном поиске пищи, куница отошала. Мех потускнел, вытерся, местами слипся от смолы. Куница изменила своим привычкам и всё чаще рыскала по вымершей лесной пустыне днём. Пища, которой она прежде гнушалась, стала желанной.

Однажды, когда стало совсем невмоготу, охотнице посчастливилось найти под трухлявым пнём норку бурундука. Вытащив запиравшую вход моховую пробку и расширив где когтями, где зубами узкий проход, Маха добралась до опрятной, сухой кладовой с небольшим запасом орехов, семян и ягод, аккуратно сложенных в отдельные кучки.

Полосатенький хозяин, разбуженный гулкой вознёй, возмущённо пища, метался по спальне и пытался выскочить на волю, но Маха закрывала собою проход. Бурундучок с отчаянной смелостью, порождённой страхом, ринулся на грабительницу. Куница, оставив орехи на десерт, наградила смельчака смертоносным ударом и тут же съела его.

От забытой сытости по телу разлилась дремотная истома. Маха проспала больше суток, а проснувшись, доела скудные запасы кладовой. Однако через пару дней голод с новой силой напомнил о себе и в который раз погнал Маху к парящему истоку ручья, где в окружении кустов, сверкавших ёжиками густой изморози, до сих пор держались утки.

Этот визит ничем не отличался от предыдущих. Сидевшие на сахарных закраинах льда птицы были начеку. Они успели отплыть на середину курящейся белыми завитками пропарины и крикливо насмехались над незадачливой охотницей. Маха раздосадованно фыркнула и несолоно хлебавши побежала прочь.

Иногда её выручали личинки короедов, златок, усачей. Маха умудрялась добывать их из-под трухлявой коры елей. После одного из таких скудных завтраков она, гонимая голодом, перешла через седловину и оказалась на противоположном склоне горы, поросшей высокоствольным лесом.

Спускаясь по нему, Маха сначала услышала, а потом и увидела между деревьев дерущихся зверей: крупный голенастый лось бился насмерть с медведем-шатунем. Они кругами ходили друг против друга.

Медведь устрашающе ревел. Из широко раздутых ноздрей с шумом вырывался пар.

Мосластый шатун всё пытался зайти сбоку, но лось, понимая, чем это ему грозит, тут же разворачивался навстречу, стремясь в свою очередь нанести удар копытом.

Медведь ловко уворачивался и одновременно загребал широкой когтистой лапой, пытаясь распороть сохатому тугое брюхо. Бесконечные атаки измотали обоих, но успеха никому не принесли.

Внезапно шатун изменил тактику: попятился назад и, скрывая свой хитроумный замысел, тяжело дыша, привалился лохматой глыбой к дереву. Поддавшись на уловку, лось повернулся, чтобы бежать. В то же мгновение коварный медведь одним прыжком настиг его. Лось встал на дыбы и метнулся в сторону, но шатун успел мощным ударом лапы сломать ему позвоночник, решив исход поединка в свою пользу.

Удостоверившись, что лось мёртв, взъерошенный победитель не сразу подошёл к добыче, — протяжно поводя боками, вздыхал, остывал от схватки.

Ел он долго и жадно, не обращая на происходящее вокруг ни малейшего внимания. Набив желудок, косолапый затащил остатки туши в бурелом и залёг тут же.

Маха несколько раз посещала это место в надежде пожить. Однако шатун так и не ушёл, пока не съел всю тушу без остатка, разбросав вокруг лишь острые раздвоенные копыта да добела обглоданные челюсти.

От голода куница постоянно мёрзла, не согреваясь даже в покинутых беличьих квартирах. От длительного недоедания у неё кружилась голова, выворачивало внутренности. Однажды Махе, забывшейся коротким сном, зримо привиделся просторный, полный бурной, радостной жизни сосновый бор. Бор, где она родилась, где ей были неведомы голод, холод, а в говорливом ручье текла самая вкусная на свете вода. Днём и ночью это видение стало преследовать её.

Стоило Махе лишь задремать, как снова представлялся родной бор, кишачий рябчиками и белками. Она ловит их, безостановочно ест и никак не может наесться. Наконец настал миг, когда какая-то неподвластная ей сила неудержимо погнала Маху к родному урочищу.

Поднявшись на взгорье, куница свернула на юг и устремилась к заветной цели. В предрассветный час она чуть не столкнулась с рысью, выплывшей, словно привидение, из запалённой восходящим солнцем изморози. Куница попятилась и бесшумно исчезла в зарослях, но поджарая кошка заметила её и кинулась вдогонку. Маха немедля взлетела по шершавому стволу на ель и, перемахивая с ветки на ветку, благополучно ушла от преследования.

В пути кунице пришлось преодолеть немало щетинистых круч, ниспадавших с гор бугристых ледопадов и непролазных чащоб, прежде чем её взору с высокого отрога открылись знакомые очертания сопки. Радость наполнила сердце скиталицы. Всё веселей, уверенней бежала она по заснеженной тайге.

Достигнув последней водораздельной гряды, куница вскарабкалась на одиноко стоящую сухую ель, растопырившую сучья, словно костлявые руки, и оторопела.

Перед ней, далеко внизу, повторяя изгибы ручья, чернела прокопчённая жилка лесовозной дороги. На пологом склоне, там, где простирался столь желанный заповедный бор, была пустошь, покрытая золотистыми спилами пней.

Спустившись с горной кручи и быстро перебежав пропахшую соляжкой дорогу, Маха с надеждой направилась через вырубку к темнеющему вдали лесу.

С каждым прыжком остаток бора надвигался непроглядной стеной, увеличивался в размерах и был уже не таким крошечным, как показалось Махе с макушки ели. А когда оттуда донёсся задорный посвист рябчика с короткой трелькой в конце, она и вовсе воспряла духом.

Но непродолжительной была её радость. Привычную тишину зимней тайги нарушило звонкое потрескивание заведённой мотопилы. Мерное тарахтение зачастило, перешло в докучливое осиное жужжание. Вскоре мохнатая крона крайней сосны качнулась, и вековое дерево с густым шумом рухнуло, подняв патлатыми ветвями волну снежной пыли.

Со стороны ручья послышался надсадный рёв. Это полз за новыми хлыстами¹ мощный лесовоз. На родине Махи хозяйничали лесорубы.

Сделав полукруг, куница перешла на западный склон. Здесь снежный покров сверкал девственной белизной и прельщал обилием беличьих кормовых тропок, лунками ночевавших рябцов. А возле поваленных ветром осин хрустящая простыня была утрамбована заячьими лапками и усеяна коричневыми орешками помёта.

Пройдясь по свежим беличьим следам, тянувшимся по косогору, Маха вскоре увидела и саму прыгунью, занятую раскопкой старых запасов. Белка тревожно зацокала, но не успела даже заскочить на дерево.

Впервые за много дней куница наелась до отвала. Сердце у неё отмякло, ушло ожесточение. Бельчатина основательно подкрепила силы странницы, и она легко обожала остатки родовых владений.

Повсюду Маха натыкалась на смрадные лесовозные дороги, запустившие свои щупальца почти до перевальных хребтов, отовсюду доносился гул моторов. Отступавшая под натиском мотопилы и могучих тракторов тайга с высоты водораздельной гряды была похожа на шахматную доску: тёмные острова леса чередовались с белыми полями сплошных вырубок, изъеденных свежими оспинами пней.

Только в стороне Большого хребта, откуда пришла Маха, лес упрямо топорщился нетронутым коренным

¹ Хлыст — здесь: ствол дерева, очищенный от веток.

древостоем, но возвращаться в эти опустевшие от бескормья крепи куница не желала.

Смирившись с близостью рокочущих машин и людей, она обосновалась в истоках ручья, возле скал, изукрашенных цветистой накипью лишайников. Выбор Маха сделала удачно: это место являлось заказником.

7

Незаметно для себя куница привыкла к шумным соседям. Ночью, во время длительных прогулок, люди её не беспокоили, а днём она отдыхала в потаённых убежищах.

Пробегая как-то в середине зимы по лесу, Маха увидела строчку лисьих следов. Поначалу она не придала им особого значения. Только отметила про себя, что стёжка, обычно ровная и опрятная, как-то странно виляет. Но, обнаружив метров через двадцать вторую подряд лёжку, насторожилась. Оглядев следы внимательней, куница определила, что лиса почему-то передвигается с трудом.

Маха потрусилась по следу и почти сразу увидела горящую факелом лису-огнёвку. Пользуясь прикрытием выворотня, куница опасливо приблизилась к ткнувшейся мордой в снег кумушке и замерла, не сводя с неё оценивающего взгляда. Отрывисто уркнула — лиса не шелохнулась. Тусклые полуоткрытые глаза ничего не выражали. Даже пышный мех не мог скрыть её немощи.

Куница смекнула, что рыжая настолько слаба, что не в силах уже стоять. Глаза Махи загорелись: как и всякий проголодавшийся хищник, она не могла упустить возможности сытно перекусить.

Дрожа от возбуждения и дивясь собственной дерзости, куница прыгнула на лису и впилась ей в горло. Та жалобно застонала. Вяло отбиваясь, попыталась встать, но лапы предательски подогнулись. Маха почти без борьбы завладела неожиданно богатым трофеем.

Надолго обеспеченная мясом, она отъелась, набралась сил, и у неё пробудилась потребность в странствиях, которая и завела нашу путешественницу в долину ручья, прижавшегося к скалистому кряжу¹, изрезанному узкими расщелинами.

У его подножия, на старой делянке, среди мелколесья, чудом сохранился островок могучих сосен. У корней медных колонн были вырезаны какие-то наполовину заплывшие смолой знаки.

Поочерёдно обследовав деревья, Маха обнаружила, что наверху ко многим стволам плотно привязано корьё². Это обстоятельство заинтересовало её. А когда она взобралась, ей почудилось, что из-под «заплатки» сочится аромат, от которого любая куница теряет покой.

Маха не раздумывая принялась грызть кору слой за слоем. Работа продвигалась медленно, но к утру

¹ Кряж — цепь невысоких гор.

² Корьё — кора, снятая с дерева.

проклюнулась дырочка, пахнувшая густым медовым духом. Теперь куница не сомневалась, что в дупле её ожидает самое восхитительное на свете лакомство. Она даже зажмурилась от удовольствия. Беспреданно глотая слюну, воодушевлённая добытчица расширила отверстие, освободила канал от утепляющей прокладки из берёзовых веников и с жадностью набросилась на душистые соты.

Мёд был густой, прозрачный. Маха с наслаждением отрывала переливчатые тянучки и проглатывала вместе с оцепеневшими пчёлами. Наевшись до дурноты, разбойница не захотела покидать сладкую бортъ, опасаясь, что кто-нибудь другой воспользуется найденным ею кладом. Утолив жажду лежащим на сучьях снегом, лакомка нагребла под себя берёзовые листья с веников и, вдыхая пьянящий аромат, уснула.

И надо было случиться так, что в это самое время делал объезд своей лесной пасеки её хозяин. Увидев под сосной кусочки коры и развеянные ветром листья, он сразу понял, что бортъ ограблена. Сокрушённо причитая, обошёл ствол и по следам определил, что на пасеке разбойничала куница. Дабы спасти своё хозяйство от полного разорения, бортник решил изловить воровку.

Разбуженная чирканьем лыж, Маха слышала, что под деревом топчется человек. Это несколько обеспокоило её, но вскоре шаги удалились, и куница, уже притерпевшаяся к соседству людей, осталась спать на своём духовитом ложе.

Расстроенный пасечник, убедившись, что на остальных соснах борти пока не тронуты, ушёл в деревню,

а поутру вернулся со связкой ловушек. Срубив длинную жердь, проволокой прикрутил к ней насторожённый капкан и приставил его к стволу таким образом, чтобы тарелочка ловушки оказалась точно напротив темневшего отверстия. Сочтя это недостаточным, он нагрёб внизу снежную «хатку», положил в неё добрый кусок мяса, а у входа насторожил второй капкан. Вокруг «хатки» раскидал для верности ещё и кроху из гусиных потрохов.

Маха слышала, что к её убежищу вновь подходил человек и возился в этот раз довольно долго. Теперь она не на шутку всполошилась, ибо понимала, что он зачастил неспроста. Не высываясь из дупла, куница настороженно прислушивалась к каждому звуку и, когда выход накрыла смутная тень, в ужасе сжалась. Немного погодя послышался удаляющийся скрип лыж, и всё стихло. Маха перевела дух, но лишь через пару часов совершенно успокоилась и попыталась выбраться.

Что это?

Выход из борти загораживал чёрный кружок, противно пахнущий железом и человеком.

Долго не решалась Маха прикоснуться к подозрительному предмету, отдающему смертным духом. Вновь и вновь обнюхивала его. Напряглась до болезненности, вслушиваясь в малейшие шорохи, но подвижные уши улавливали только неясный шёпот ветра в густой кроне сосны.

От сладкого Маху мучила жажда, и соблазнительная близость снега в конце концов заставила превозмочь боязнь. Всё ещё колеблясь, она намерилась тихонько

отодвинуть кружок в сторону, с тем чтобы увеличить щель и выйти, но едва коснулась коварной тарелочки, как острая боль пронзила лапку, растеклась огнём по всему телу.

Маха отпрянула было назад, но стальные челюсти капкана держали мёртвой хваткой. Преодолевая мечущуюся по телу боль, она сама бросилась на «врага». Яростно рвала, грызла ловушку клыками, но эмаль на зубах только крошилась о неподатливую сталь. Дужки держали крепко, а тарелочка и сторожок, болтаясь из стороны в сторону, лишь бесстрастно звякали.

В попытках освободиться прошло несколько часов. Солнце провалилось за гребень хребта. Мороз усиливался. Пережатые пальцы деревенели, и боль незаметно отступала. От беспрестанных рывков и подёргиваний кожа и сухожилия размочалились. Маха перекусила остатками клыков омертвевшие бесчувственные ткани и освободилась наконец от ненавистой железяки.

Не обращая внимания на рану, она принялась разгребать листву, перегрызать веточки, чтобы докопаться до подошвы борти, а докопавшись, стала спешно грызть пластырь, преграждающий путь к свободе. Работала без отдыха, словно догадываясь, что времени ей отпущено мало и если к утру не покинуть эту западню, то случится непоправимое.

Вот уже загорелась на востоке малиновая заря, ударили первые лучи солнца.

С наименьшей поспешностью шёл к сосне бортник, мечтавший не только оградить своих пчёл-кормилиц от разбоя, но и добыть ценную шкурку.

Приближаясь к приметному месту, он ещё издали увидел, что его труды не напрасны — ловушка сработала! Сердце распирало от гордости и восторга. Ему уже чудилось во мраке лаза сияние меха дивной красоты. Но, подойдя ближе и приглядевшись внимательней, он был озадачен появлением у нижнего края пластыря второго отверстия. Это открытие кольнуло бортника неясной, болезненной догадкой.

Всё ещё не теряя надежды, он обежал сосну и увидел на снегу парные следы с алыми пятнышками крови. Сладостные минуты ожидания знатной добычи сменились горьким разочарованием.

За зиму пчеловод, обходя разбросанные в окрестных лесах борти, ещё не единожды навевывался к пострадавшей сосне в расчёте встретить следы воришки, но напрасно. Куница больше не появлялась.

8

Насмерть перепуганная Маха, припадая на повреждённую лапу, долго бежала через большие и малые речушки. Поднималась по крутым распадкам в горы, спускалась в заснеженные долины. Сторонясь дорог, санных путей и лыжных проходов, она уходила всё дальше и дальше от злосчастного места. Чем дремучей, непроходимей становилась тайга, чем выше вздымались беловерхие горы, тем свободней и уверенней чувствовала себя куница.

Наконец она достигла рубежа лесов, раскинувшихся на крутых отрогах Дальнего хребта. Белые грани его вершин оживляли сумрачную, обомшелую хвойную чашу. Недоступные для людей дебри надёжно укрыли беглянку.

Тишина, настоящий на хвое воздух, нетронутый, первозданный лес — как радостно ощущать всё это после враждебного мира грязных, вонючих дорог, чихающих дымом железных чудовищ и вездесущих людей.

Здесь, вдали от человеческого жилья, в плотной кроне покорёженной временем ели Маха отыскала покинутое беличье гнездо — гайно́ и надолго обосновалась в круглой тёплой каморке. Она готовилась стать матерью.

Чем встретит окружающий мир её детей?

ОБ АВТОРЕ И ХУДОЖНИКЕ ЭТОЙ КНИГИ

Камиль Фарухшинович ЗИГАНШИН — писатель-натуралист, защитник животных, путешественник. Живёт в Уфе (Республика Башкортостан).

В молодости проработав четыре сезона штатным охотником в Лазовском госпромхозе Хабаровского края, научился понимать поведение зверей и птиц. Однако, как-то раз увидев слезу, выкатившуюся из глаза смертельно раненной им грациозной косули, навсегда оставил ружьё. Более того, основал «Республиканский фонд защиты диких животных».

Собирая материалы для своих книг, Зиганшин постоянно в пути. В 2011 году даже участвовал в кругосветной экспедиции «Огненный пояс Земли», пройдя все страны Северной и Центральной Америки, и описал путешествие в книге «От Аляски до Эквадора».

Творчество писателя отмечено многими наградами, среди которых премия Президента РФ в области литературы и искусства за произведения для детей и юношества (2019).

Сулпан Билаловна БИЛАЛОВА — живописец, график, дизайнер, педагог. Работает в разных стилях и жанрах, но предпочтение отдаёт книжной иллюстрации, считая её наиболее творческой и интересной.

«Когда я читаю произведение, — признаётся художница, — в голове рождаются разные образы, и для меня важно выбрать из них наиболее интересную и удачную композицию, которая поможет читателю выразительнее и проникновеннее „увидеть“ текст.

Познакомившись с „Махой“, я полюбила её. Мне казалось, что это я прижимаюсь к тёплому боку мамы, жмурюсь на солнышко и это моё сердечко трепетно бьётся от сильного страха, когда нависла угроза от когтей хищного филина...»

Работы С. Билаловой хранятся в частных коллекциях в России и за рубежом. Она — заслуженный художник Республики Башкортостан и лауреат Государственной республиканской молодёжной премии им. Ш. Бабича (2001).

СОДЕРЖАНИЕ

МАХА,
или
ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ

5

Об авторе и художнике этой книги

70

Для детей старше 6 лет (6+)
(В соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ)

Литературно-художественное издание

Для среднего школьного возраста

СЕРИЯ «НАША МАРКА»

Зиганшин Камиль Фарухшинович

МАХА,

или ИСТОРИЯ ЖИЗНИ КУНИЧКИ

Повесть

ЕАС

Ответственный редактор *С. А. Стогова*

Художественный редактор *Е. М. Ларская*

Корректор *О. И. Голева*

Подготовка иллюстраций для печати,
компьютерный дизайн обложки *Т. В. Добролюбова*

Компьютерная вёрстка *В. И. Тушева*

Подписано в печать 27.10.21. Формат 70х90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Шрифт Minion. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 5,27. Уч.-изд. л. 2,99. Тираж 3000 экз. Заказ .

Орден Трудового Красного Знамени и Дружбы народов
АО «Издательство «Детская литература».
117418, Москва, ул. Новочерёмушкинская, 61.
www.detlit.ru

По вопросам приобретения книг обращайтесь
по тел.: +7(495)933-55-65, доб. 205